

УДК 343.121
ББК 67.410.20

Субсидиарное обвинение и принцип состязательности

Г.Н. Ветрова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Subsidiary Prosecution in Adversarial System

G.N. Vetrova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Рассматривается осуществление потерпевшим функции уголовного преследования в контексте обеспечения состязательных начал в уголовном судопроизводстве. Обсуждаются вопросы реализации потерпевшим права на участие в уголовном преследовании по делам публичного обвинения, раскрывается содержание понятия «субсидиарное уголовное преследование».

Обвинительная деятельность потерпевшего осуществляется, как правило, в русле обвинительной деятельности должностных лиц, действующих в публичных интересах (*ex officio*). Рассматривается право потерпевшего на самостоятельную правовую позицию по вопросам предмета и пределов обвинения, а также способы ее выражения и защиты по делам о преступлениях, преследуемых в публичном порядке. Предлагается расширить возможности потерпевшего по активному участию в доказывании, в частности предусмотреть в законодательстве право потерпевшего отражать свою позицию по основным вопросам обвинения в отдельном документе с изложением соответствующих доводов.

Таким образом потерпевший может способствовать установлению обстоятельств по делу, которые могут привести к изменению обвинения в соответствии с его правовой позицией.

Ключевые слова: потерпевший, сторона обвинения, уголовное преследование, обвинение, уголовный иск, возбуждение уголовного преследования.

DOI 10.14258/izvasu(2017)3-04

Уголовное преследование как процессуальная функция выражается в деятельности, направленной на установление обстоятельств совершенного преступления, выдвижение обвинения против конкретного лица или лиц и обоснование обвинения собранными по делу доказательствами [1, с. 23–24]. Термин «уголовное преследование» известен российскому зако-

The article is devoted to prosecution function in adversarial criminal procedure by the victim of crime. It also refers to the victim's right to participate in public criminal prosecution, as well as to the notion of "subsidiary prosecution". Accusatorial activities of the injured person are executed, as a rule, within the scope and the limits of the accusatorial function of public servants, acting *ex officio*. The victim's right to present an independent legal position on the subject and scope of prosecution is analyzed along with the forms of its expression in public prosecution cases. The author suggests expanding opportunities of the victim to take part in the establishment of proof process, in particular, to formalize the right of the victim to formulate his position on the basic issues of the charge in the special document giving the basic arguments. That will help the victim to take part in the proof of facts which in some situations can change the line of prosecution.

Key words: victim, prosecution, criminal prosecution, criminal action, commencement of prosecution.

нотательству со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и широко используется в научной литературе. М.С. Строгович писал, что «уголовное преследование — это обвинение как процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность» [2, с. 194]. По существу, такой же смысл придается этому термину и действующим законодательством.

В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством уголовное преследование осуществляется от имени государства должностными лицами и государственными органами. Лишь по немногим делам частного обвинения уголовное преследование осуществляется самими потерпевшими (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Принцип состязательности предполагает разграничение процессуальных функций уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела, а также равноправие сторон, т.е. тех участников процесса, которые заинтересованы в исходе дела и осуществляют соответственно функции обвинения и защиты. Действующий закон относит потерпевшего к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Дискутируемый ранее вопрос о том, какую процессуальную функцию выполняет потерпевший, отошел в прошлое. Законодатель как бы изначально определил, что процессуальный интерес потерпевшего объективно заключается в стремлении добиться осуждения и наказания лица, совершившего преступное посягательство. И права предоставляются потерпевшему для того, чтобы он мог данный интерес отстаивать.

Потерпевший, реализуя права, предоставленные ему законом, осуществляет обвинительную деятельность, если он целенаправленно стремится к тому, чтобы лицо, совершившее преступное посягательство на его права и интересы, было привлечено к уголовной ответственности и наказано. Однако «выполнение, осуществление этой обвинительной функции целиком зависит от самого потерпевшего. Потерпевший вправе изобличать, обвинять обвиняемого, но может от этого воздержаться, ограничившись дачей показаний на предварительном следствии и в суде» [2, с. 255].

Процессуальная функция как направление процессуальной деятельности целиком определяется целями (задачами) этой деятельности [3, с. 62]. И если для должностных лиц эти задачи определены их служебным положением в соответствии с законом, то потерпевший, как частное лицо, сам определяет цели и меру своего участия в производстве по конкретному делу. Важно, чтобы закон предоставлял потерпевшему в условиях состязательного процесса реальную возможность защищать интерес, заключающийся в уголовном преследовании лица, совершившего в отношении него преступление.

Однако интерес потерпевшего — это интерес частного лица, и в конкретных обстоятельствах сформировавшаяся на его основе позиция по уголовному делу может отличаться от позиции должностного лица, осуществляющего функцию обвинения *ex officio*, в публичных интересах.

Согласно формулировке ст. 22 УПК РФ потерпевший и (или) его законный представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого. Из содержания статьи следует, что речь идет о праве потерпевшего лично или через представителя осуществлять обвинительную деятельность при произ-

водстве по делам публичного обвинения. В тексте указанной статьи выделены уголовные дела частного обвинения, по которым потерпевший вправе выдвигать и поддерживать обвинение. Закон как бы не наделяет этим правом потерпевшего по другим категориям дел. По ним потерпевшему предоставляется право участвовать в уголовном преследовании, надо полагать — в уголовном преследовании, осуществляемом должностными лицами, представляющими обвинительную власть.

Означает ли это, что по смыслу ст. 22 УПК РФ участие потерпевшего в уголовном преследовании представляет собой осуществление потерпевшим обвинительной деятельности в русле обвинительной деятельности должностных лиц, осуществляющих данную процессуальную функцию *ex officio*? Иными словами, сводится ли роль потерпевшего в процессе к оказанию содействия официальной обвинительной власти в установлении обстоятельств совершенного преступления и изобличении в нем определенного лица? Вопрос заключается в том, имеет ли потерпевший право на собственную позицию по обстоятельствам дела относительно предмета и пределов обвинения, позицию, которая отличается от официальной, выраженной в соответствующих процессуальных актах.

Статус потерпевшего как стороны в процессе предполагает наличие признаваемого и охраняемого законом интереса в деле и соответственно наличие правовых средств, чтобы этот интерес удовлетворить. В перечне прав потерпевшего, что содержится в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, указаны право знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1) и право поддерживать обвинение (п. 16). Предоставление этих прав с очевидностью указывает на возможность для потерпевшего иметь собственное мнение о предмете обвинения, выдвинутого и поддерживаемого публичной властью. Ведь реализация этих прав, если не считать их буафорскими, способствует формированию у потерпевшего собственной правовой позиции по существу дела.

Законодатель последовательно расширял перечень прав, которые дают возможность потерпевшему быть активным субъектом, осуществляющим уголовное преследование. Так, потерпевший имеет такие же права, что и обвиняемый, при назначении и производстве судебной экспертизы (ст. 198 УПК РФ). Он имеет право получать копии процессуальных документов, которые могут затрагивать его интересы, в том числе и копию постановления об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, которое может обжаловать в апелляционном и кассационном порядке.

Верховный Суд РФ в соответствующем постановлении пленума указывает, что «потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда

свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования» (п. 11) [4]. При этом суды не могут проигнорировать доводы потерпевшего, высказанные им в защиту своей позиции по делу. Высшая судебная инстанция предписывает судам давать доводам потерпевшего мотивированную оценку при принятии судебного решения.

С целью обеспечения равноправия сторон в доказывании судам предлагается при необходимости принимать меры для оказания помощи потерпевшему в собирании доказательств (получении документов, истребовании справок и т.д.) [5, с. 74–89]. Таким образом, и законодательная регламентация прав потерпевшего, и судебная практика признают за потерпевшим право на активную обвинительную деятельность. Но активной позиции потерпевшего, защищающего свои интересы, сопутствует собственная правовая позиция по существу дела. Поэтому вернее было бы говорить не о праве потерпевшего участвовать в уголовном преследовании, а о праве потерпевшего осуществлять уголовное преследование в объеме и формах, предоставленных законом, т.е. осуществлять субсидиарное уголовное преследование.

Термин «субсидиарный» происходит от латинского *subsidiarius*, что означает дополнительный или дополняющий, вспомогательный. По вопросу содержания понятия «субсидиарное обвинение» в научной литературе отсутствует единство взглядов.

Анализу дебатов в немецкой литературе конца XIX — начала XX в. по вопросам участия частных лиц, в том числе и потерпевших от преступления, посвящены две обстоятельные статьи Н.Н. Полянского в журнале «Юридический вестник» [6, с. 142–163; 7, с. 88–114]. Субсидиарное обвинение, по мнению Н.Н. Полянского, — это «возбуждение и поддержание обвинения частным лицом в случае отказа от уголовного преследования со стороны государственного обвинителя». Он полагал, что допущением в уголовный процесс субсидиарного уголовного иска (субсидиарного обвинения) решается задача «...распространения на область правосудия общественной самостоятельности и общественного контроля» [6, с. 142–143].

В современной литературе аналогичная позиция была высказана А.С. Александровым. По его мнению, потерпевший осуществляет субсидиарное обвинение не во всех случаях, а лишь в случаях отказа государственного обвинителя от обвинения. Он разграничивает ситуации, когда потерпевший как сторона обвинения действует в русле обвинительной функции государственного обвинителя и когда он осуществляет обвинение самостоятельно при отказе прокурора от обвинения [8, с. 75–77; 9, с. 38–44].

Следует отметить, что такая позиция соответствовала правовому регулированию производства в суде присяжных в разделе X УПК РСФСР. Согласно ч. 2 ст. 430 УПК РСФСР отказ прокурора от обвинения

мог повлечь прекращение производства по делу полностью или в части лишь при отсутствии возражений со стороны потерпевшего. Если потерпевший возражал против прекращения производства по делу, то судебное разбирательство должно было быть продолжено, но лишь в объеме тех эпизодов предъявленного обвинения, по которым гражданин, пострадавший от преступления, признан потерпевшим [10].

По действующему УПК РФ отказ прокурора от обвинения влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в части по основаниям, указанным в законе (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Потерпевший в данной ситуации не обладает правом осуществлять самостоятельное уголовное преследование. Его позиция не учитывается при принятии решения. Он вправе лишь обжаловать судебное решение, если считает, что основания отказа прокурора от обвинения не являются законными [11].

Нельзя не отметить, что такое решение вопроса ограничивает, а практически исключает право потерпевшего на самостоятельную защиту своей версии обвинения, если она отличается от официальной версии, выраженной в позиции государственного обвинителя по делу. Таким образом, трактовка субсидиарного обвинения как обвинения, осуществляемого потерпевшим при отказе государственного обвинителя от обвинения, не находит основания в действующем законе.

В литературе дается и иная трактовка субсидиарного обвинения. Субсидиарное обвинение рассматривается как деятельность заинтересованных частных лиц, осуществляемая как на этапе досудебного производства, так и в суде, направленная на изобличение лиц, совершивших преступление, и привлечение их к уголовной ответственности [12, с. 122–128]. Такая постановка вопроса о субсидиарном обвинении наиболее полно соответствует состязательному началу в процессе, поскольку позволяет потерпевшему на всех этапах производства по делу отстаивать свои интересы в соответствии с собственной позицией по делу [13, с. 17–27].

Думается, будет преувеличением считать, что каждый потерпевший осуществляет субсидиарное обвинение. Это верно лишь для случаев, когда потерпевший своими действиями реализует данную процессуальную функцию, то есть активно участвует в доказывании.

Признание за потерпевшим права на субсидиарное обвинение неразрывно связано с правом лица, пострадавшего от преступления, влиять на решение вопроса о начале уголовного преследования.

Действующее законодательство устанавливает монополию государственных органов на возбуждение уголовного преследования. Изменения в законе, согласно которым лицо должно признаваться потерпевшим незамедлительно после возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), не изменило сути. Идея о том, чтобы любое заявление потерпевшего рассма-

тривать как уголовный иск, т.е. придавать ему значение акта возбуждения уголовного преследования, вступает в определенное противоречие с необходимостью обеспечивать обоснованность начала уголовного преследования. Возникает также проблема предупреждения злоупотребления правом.

Как шаг в направлении расширения состязательных начал в процессе возможно предоставление потерпевшим права не только по делам частного обвинения, но и по делам частно-публичного обвинения влиять на решение вопроса о возбуждении уголовного преследования. По этой категории дел заявление потерпевшего хотя и является необходимым условием возбуждения уголовного дела, однако оно не обязывает должностных лиц возбудить уголовное дело без проверки этого заявления. Если рассматривать отказ от подачи жалобы пострадавшим в случае совершения преступления, преследуемого в частно-публичном порядке, как отказ потерпевшего от защиты нарушенных преступлением прав и интересов с помощью уголовной юстиции, то подачу жалобы следовало бы рассматривать как возбуждение уголовного преследования (как волеизъявление по вопросу осуществления уголовного преследования). По данной категории обвинения могло бы осуществляться полностью в соответствии с позицией потерпевшего, то есть быть subsidiарным. Это не исключает официальное, публичное обвинение по этим делам, но оно могло бы быть ограничено.

Признавая за потерпевшим право на subsidiарное обвинение, следует признать за ним и право отказаться от обвинения, то есть право на примирение. Статья 25 УПК РФ предоставляет такое право по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Однако это право поставлено под контроль государственных органов и должностных лиц, полномочных осуществлять официальное уголовное преследование. Думается, что свобода усмотрения должностных лиц в решении этого вопроса противоречит самой сути субъективного права. Отказ в примирении должен мотивироваться указанием на совершение каких-либо неправомерных действий.

Если вести речь о правовой позиции потерпевшего по делам о преступлениях, преследуемых в публичном порядке, то возникает вопрос, каким образом эта позиция должна находить процессуальное оформление, каковы формы ее выражения. Очевидно, что право потерпевшего знать о предъявленном обвинении предполагает также право потерпевшего быть уведомленным о всяком изменении обвинения. Позиция обвинительной власти, нашедшая выражение в соответствующем процессуальном акте, становится известной потерпевшему уже в ходе расследования. Если потерпевший не согласен с формулировкой обвинения, которая содержится в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, то у него есть возможность на этапе до-

судебного производства, осуществляя активную процессуальную деятельность, повлиять на изменение обвинения, в том числе и в сторону, ухудшающую положение обвиняемого. Участвуя в доказывании в порядке, установленном законом (представляя предметы и документы, заявляя ходатайства о производстве следственных действий, непосредственно участвуя в производстве следственных действий), потерпевший способствует установлению обстоятельств по делу, которые могут привести к изменению обвинения в соответствии с его правовой позицией.

Окончательная формулировка обвинения в итоговых процессуальных актах, завершающих расследование, определяет предмет и пределы судебного разбирательства и согласно ст. 252 УПК РФ связывает не только позицию государственного обвинителя в ходе судебного разбирательства относительно предмета и пределов обвинения, но и позицию потерпевшего по этому вопросу.

Если потерпевший участвует в судебном разбирательстве и не согласен с государственным обвинителем в оценке обстоятельств дела, например считает, что подсудимый виновен в более тяжком преступлении, и в обоснование своей позиции ссылается на доказательства, то существует совершенно ясный правовой механизм, позволяющий потерпевшему защитить свой законный интерес. Он вправе заявить ходатайство о возвращении дела прокурору для изменения обвинения. По своей инициативе суд не должен принимать решение о возвращении дела прокурору для изменения квалификации преступления на более тяжкое. Это противоречит принципу состязательности и нарушает «запрет поворота к худшему», соблюдение которого является важной гарантией права обвиняемого на защиту [14, с. 46–47].

Признание за потерпевшим права осуществлять subsidiарное уголовное преследование предполагает также и его право отразить свою позицию по вопросу обвинения в каком-либо документе. Во-первых, это способствовало бы обоснованности такой позиции и, во-вторых, давало бы возможность прокурору при утверждении обвинительного заключения проверить доводы потерпевшего и при необходимости принять соответствующее решение (например, вернуть дело для дополнительного расследования в соответствии с ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

Такой документ может составляться потерпевшим или его представителем при желании по окончании ознакомления с материалами дела. В таком случае он должен в обязательном порядке вместе с обвинительным заключением передаваться прокурору и рассматриваться вместе с обвинительным заключением. Думается, что предоставление такого права потерпевшему укрепляло бы его позицию стороны в процессе, способствовало бы активному участию в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление.

Библиографический список

1. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. — М., 1986.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — Т. I. — М., 1968.
3. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). — М., 2003.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ред. от 16.02.2017) // СПС Консультант Плюс.
5. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для магистров. — М., 2011.
6. Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. — 1914. — Кн. VI (II).
7. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении // Юридический вестник. — 1915. — Кн. IX (I).
8. Александров А.С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. — 2000. — № 3.
9. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. — 2006. — № 2.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» (пункт 9) // СПС Консультант Плюс.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС Консультант Плюс.
12. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. — Самара, 2004.
13. Аширбекова М.Т. Права и законные интересы потерпевшего: общее и особенное в нормативном обеспечении // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / под ред. Н.С. Мановой. — М., 2016.
14. Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. — 2006. — № 3.